

Шэнь Юй сообразил.

Это Чжоу Цзиньшэн пинает парту.

Шэнь Юй подумал, что если бы у 007 была функция напоминания о благосклонности, то сейчас в его ушах раздавался бы не сдержанный после трепета соседа по парте звук дыхания, а сигнал тревоги о резком падении очков благосклонности.

Система 007: [Но хозяин изначально и не набрал много очков благосклонности.]

Шэнь Юй: [... Ты права.]

Определение начисления очков благосклонности для пары (человек и система) на данный момент было только двумя способами: один — делать выводы на основе слов и действий злодея; другой, более прямой, — ощущать феномен смещения собственной удачи (циюньчжи).

Когда большое количество удачи снисходило на пришельца, этот мир больше не стоил того, чтобы оставаться.

Простой и незамысловатый звонок «Цзиньян» прозвучал над школьным двором. К третьему уроку сосед по парте так и не осмелился заговорить с Шэнь Юем ни слова.

Весь съёжившийся, словно перепел, спина, шея, плечи вытянулись в округлую дугу, белая рубашка, словно шёлк, покрывала её, следуя за хозяином в лёгкой дрожи.

Видно, очень боится Чжоу Цзиньшэна.

Шэнь Юй потер лоб.

Он только что пришёл в «Цзиньян», ещё не получил комплект учебников. Чэн Итань осторожно пододвигал ему свои, ставя посередине между двумя партами, для удобства совместного просмотра.

Действительно, очень подходил на роль учебного напарника.

Но это также полностью лишало Шэнь Юя надежды открыто лодырничать на уроках.

Шэнь Юй: «.....»

Как только прозвенел звонок, учительница английского Вивиан, развевая крупными волнами, на каблучках «цок-цок-цок» вышла из класса.

Ароматный ветерок на десять ли, грациозная и соблазнительная.

Шэнь Юй достал расписание и посмотрел: следующий — физкультура.

Все, собравшись по двое-трое, направились в раздевалку на первом этаже переодеться в спортивную форму.

Чэн Итань только вышел из класса с кружкой для воды, пройдя половину пути, остановился, торопливо вернулся, встал рядом с Шэнь Юем, опустив голову, и, собравшись с духом, спросил: «Шэнь Юй, хочешь... вместе?»

— А? — Шэнь Юй опешил, потом, сообразив, поднял голову и улыбнулся: «Нет-нет, я потом спущусь».

Солнечный свет играл на уголках губ Шэнь Юя, казавшихся от природы улыбчивыми, вызывая необъяснимое желание приблизиться.

Пальцы Чэн Итаня скручивали подол рубашки, голова опущена.

Он с рождения был лишён условий быть обычным человеком, поэтому и потребностей у него было мало, некоторых потребностей никогда и не возникало. Но если уж встречалось что-то, что хотелось иметь, то даже самыми неподходящими средствами он хотел это получить.

Через мгновение Чэн Итань поспешно отвел взгляд: «Хорошо, тогда я сначала уйду, ты не забудь прийти».

— Хорошо, спасибо.

С уходом Чэн Итаня весь огромный класс на какое-то время остался только с двумя людьми.

Один сидел, откинувшись на стуле, другой спал, развалившись на парте.

Тёплый солнечный свет проникал в класс через большие окна со всех сторон, свет и тени текли, как тихая вода. Всё плавало в этом мерцающем лёгком белом потоке. Краем глаза что-то нарушило тишину этого потока, лениво поднявшись с места.

Чжоу Цзиньшэн проснулся.

Неизвестно, сам проснулся или ещё с утра от топота каблучков учительницы английского нервы заболели, но не подавал голоса, превращаясь в взбешённого старшего брата, похоже, вероятность естественного пробуждения выше.

Шэнь Юй услышал очень тихий звук недоумения, парту отодвинули, деревянный материал терся о ткань. Шэнь Юй повернул голову. За окном шумели деревья падуба, ряд за рядом зелёные, как яшма.

С шорохом окно позади него распахнулось, звуки ветра и деревьев мгновенно хлынули внутрь. Звуки, словно солнечный свет, затанцевали, влетели в пространство под потолком класса, неся с собой бурную природную жизненную силу.

007: [Отличный шанс!]

Шэнь Юй оглянулся.

Без сомнения, Чжоу Цзиньшэн был невероятно красив.

Лоб у юноши был полным, глаза глубоко посажены, нос высокий, губы тонкие, линия от скул до подбородка невероятно чёткая. Телосложение приближалось к взрослому, плечи широкие, талия узкая, длинный чёрный галстук заканчивался у кадыка, спускаясь до живота. Две грудные мышцы крепкие и полные, слегка проступали при дыхании. Рубашка школьной формы облегалась плавные, крепкие линии мышц, низ заправлен в чёрные брюки.

Элегантный, холодный, торжественный, а также —

Неожиданная ярость и жестокость.

Эти два совершенно противоположных, противоречивых качества уже в юности Чжоу Цзиньшэна начали проявляться.

Открыв окно, Чжоу Цзиньшэн снова сел на место, приподнял веки и холодно посмотрел на Шэнь Юя.

Их взгляды встретились.

Глаза довольно красивые.

Чжоу Цзиньшэн окинул Шэнь Юя взглядом, дал оценку.

Выражение лица у Чжоу Цзиньшэна было редким, от природы с холодным налётом

глубокомысленности. К счастью, он ещё был юношей, ещё не достиг уровня, когда через восемь лет от него становилось холодно и страшно.

Шэнь Юй отвел взгляд, незаметно скользнув по парте Чжоу Цзиньшэна. Развёрнутая книга на немецком, служившая подушкой для сна, по финансам, с заметными пометками, демонстрировала его амбициозность.

Шэнь Юй заговорил: «Извини, кажется, на утреннем чтении я тебя разбудил? Прости».

Ресницы у Шэнь Юя были длинные, словно маленькие щёточки. Каждый раз, когда он опускал их, щёточки, словно бабочки, трепетали, вырисовывая под веками соблазнительную и красивую тень в форме полумесяца.

Чжоу Цзиньшэн скрестил руки на груди, настроения особого не было.

Семья Чжоу столетняя, шанцзинская знать, глубинные корни само собой разумеются.

Чжоу Цзиньшэн, как будущий наследник семьи Чжоу, естественно, был объектом, которого бесчисленные приспособленцы и подхалимы наперебой старались задобрить и угодить ему. Он с детства вращался в различных хаотичных и сложных кругах, каких людей только не видел?

Хотя «Цзиньян» посторонние называли частным клубом для элиты, но всё же это государственная школа, доля обычных людей, поступивших через внешний экзамен, была немаленькой, обстановка была поспокойнее, но и дураков, пытающихся приблизиться к нему таким способом, тоже хватало.

Чжоу Цзиньшэн не изменил позы. Когда он смотрел на людей, это мало чем отличалось от того, как охотник смотрит на добычу. Особенно привычка сужать расстояние между верхним и нижним веком делала и без того выразительные черты лица ещё более рельефными, глубокими и непроницаемыми.

Очень умело пугал людей.

Чжоу Цзиньшэн неторопливо повторил слова Шэнь Юя: «Прости, извини?»

Шэнь Юй кивнул.

Если ничего не изменится, следующая фраза Чжоу Цзиньшэна, скорее всего, будет...

007: [Если бы извинения помогали, зачем тогда полиция!]

Шэнь Юй: [Нет, не в тот кинотеатр попал.]

Шэнь Юй не волновался.

Какой бы ни была ситуация, он уже был готов.

Однако Чжоу Цзиньшэн вообще не следовал обычной логике. Едва собравшись заговорить, он внезапно побледнел, надбровные дуги взметнулись, скрещенные на груди руки резко разжались, ладони опустились к животу и крепко сжались.

Костлявые пальцы вздулись жилами, мёртвой хваткой впиваясь в ткань одежды вокруг живота, вырывая шокирующие складки. Белый школьный герб на груди, сияющий, словно парус на море, в мгновение ока исказился и деформировался.

Все тело Чжоу Цзиньшэна неконтролируемо задрожало, ему хотелось свернуться калачиком.

Несмотря на это, он по-прежнему держал спину прямо, слегка склонив голову, свободной рукой мертвой хваткой вцепившись в парту, жилы вздулись, мизинец неконтролируемо дрожал.

Шэнь Юй испугался, не сразу сообразив.

Шэнь Юй: [Неужели моя мысленная атака действительно может материализоваться?]

Нет.

Мозг Шэнь Юя работал на полной скорости, информация о прошлой жизни мелькала, словно блики. Наконец, через те невольные намёки, удалось сопоставить и связать ключевые слова «Чжоу Цзиньшэн» и «болезнь желудка».

Шэнь Юй тут же вскочил, с тревожным видом приблизился к Чжоу Цзиньшэну:
«Одноклассник, ты в порядке? Я сначала отведу тебя в медпункт!»

Шэнь Юй говорил и ловко обхватил плечо Чжоу Цзиньшэна. Под тонкой тканью школьной формы чувствовалось напряжённое, выступающее бицепсы, мышцы крепкие, полные, невероятно взрывные.

Шэнь Юй молча сравнил размеры и замолчал.

Как этот парень их накачал?

Шэнь Юй не останавливаясь собирался помочь человеку подняться.

Не поднял.

Шэнь Юй: «.....»

— Расслабься, я отведу тебя в медпункт. — Шэнь Юй не сдавался, снова крепко ухватился за руку Чжоу Цзиньшэна, пытаюсь изо всех сил поднять его.

... Снова не поднял.

Чжоу Цзиньшэн наконец накопил немного сил от боли. Он повернул голову. Под влажными тёмными волосами пара острых, пылающих, словно огонь, глаз не выдавала ни капли слабости, только губы были слегка белыми. Он посмотрел на Шэнь Юя, словно на дурака.

Даже когда от боли в желудке хотелось убивать, тональность Чжоу Да-гунцзы по-прежнему была полна сил:

— Лекарство, в рюкзаке, ты, отпусти.

Шэнь Юй послушно отпустил плечо Чжоу Цзиньшэна, просунул руку в его рюкзак через ящик парты.

Чжоу Цзиньшэн даже не взглянул на него, надбровные дуги напряжены. Почувствовав, как тёплое предплечье коснулось талии, он почернел лицом, выругался про себя и незаметно отодвинулся в сторону, давая Шэнь Юю пространство для поисков.

Через несколько секунд Шэнь Юй достал из рюкзака белую баночку с лекарством, протянул Чжоу Цзиньшэну, спросил: «Это?»

Чжоу Цзиньшэн, даже не глядя, ответил: «Угу».

Шэнь Юй: «Разводить водой?»

Чжоу Цзиньшэн с холодной насмешкой: «А как иначе? Неграмотный?»

Какое ядовитое нападение.

Шэнь Юй сделал вид, что не понял издёвки в его тоне, словно безвольный мелкий человечек, с беспокойством напомнил: «Потерпи немного, я сначала принесу тебе горячей воды».

Услышав это, Чжоу Цзиньшэн наконец приподнял веки, удостоил Шэнь Юя взглядом, но увидел лишь торопливо удаляющуюся фигуру. Боль затуманила зрение, показалось, будто это белый призрачный огонёк.

Брюшная полость превратилась в поле битвы мясорубки, сильные судороги и боль. Чжоу Цзиньшэн весь напрягся, на лбу выступил холодный пот, глаза плотно закрыты.

Шэнь Юй на задней полке класса нашёл одноразовый стаканчик, быстрыми шагами исчез в дверях класса.

Выйдя за дверь класса, шаги Шэнь Юя замедлились, из быстрых стали медленными, из торопливых — неторопливыми. В конце концов он, делая три шага за один, медленно добрался до водонапорной, набрал горячей воды, затем неспешно прогулялся обратно в первый класс, по пути даже найдя время полюбоваться пейзажем.

Небо синее, словно вымытое, летние деревья и цветы под солнцем излучали микроскопический свет жизни, развеваясь на ветру.

Какое красивое небо.

Шэнь Юй отвел взгляд, задержался на клумбе на первом этаже, протянул руку, снял шнурок с запястья и бросил его в цветник.

Через мгновение Шэнь Юй стоял у двери первого класса, придав лицу должное выражение, с полным беспокойства лицом, торопливо неся стаканчик, вошёл в класс.

Чжоу Цзиньшэн уже лежал на парте.

Шэнь Юй действительно боялся, что тот умрёт от боли, и ему снова придётся начинать всё сначала, поэтому поспешил ускорить шаги, подошёл, развёл желудочное лекарство в тёплой воде: «Чжоу... одноклассник, ты в порядке? Давай сначала выпей лекарство».

Чжоу Цзиньшэн не откликнулся, не шевелился, терпеть умел.

Крутой парень.

Шэнь Юй хлопнул его по плечу, Чжоу Цзиньшэн наконец дал некоторую реакцию, по инерции от Шэнь Юя откинулся на спинку стула, глаза закрыты, виски влажные от пота, надбровные дуги высоко вздёрнуты — проявление подавленной боли.

Шанс представился.

Это был первый шаг к становлению младшим братом злодея. Начать с мелкого прихвостня, шаг за шагом приблизиться к Чжоу Цзиньшэну, затем стать обычным другом, хорошим братаном, закадычным другом, и успешно заполнить шкалу благосклонности Чжоу Цзиньшэна.

Шэнь Юй не мог скрыть волнения, осторожно поддержал затылок Чжоу Цзиньшэна, приблизился к нему, собираясь лично, собственными силами дать ему выпить лекарство.

Но Чжоу Цзиньшэн вдруг резко открыл глаза. Пара глаз острых, как у ястреба, словно два пучка огня, разрывающего ночную тьму.

Рука Шэнь Юя чуть не дрогнула.

Он рефлекторно взглянул на стаканчик в руке, водная гладь ровная.

Шэнь Юй внутренне расслабился.

Хорошо, не дрогнул.

Не уронил лицо.

Чжоу Цзиньшэн бросил на Шэнь Юя взгляд, зрачки медленно повернулись, быстро понял текущую ситуацию. Он нахмурился, протянул Шэнь Юю руку. На тыльной стороне ладони чётко проступали напряжённые вены, словно размытая синяя краска, выдавая признаки судорог.

Шэнь Юй поспешил угодливо протянуть бумажный стаканчик.

Чжоу Цзиньшэн запрокинул голову и, залпом проглотив желудочное лекарство, быстро проглотил и тёплую воду.

Выпив лекарство, спустя ещё некоторое время, на бледном и суровом лице Чжоу Цзиньшэна наконец появился некоторый румянец. Он взял пустой бумажный стаканчик в руку и вертел его, то затихая, то вновь начиная, терпеливо ожидая, пока спазматическая боль в животе рассеется.

Шэнь Юй с участием спросил: «Чувствуешь себя лучше?»

Пальцы Чжоу Цзиньшэна, вращавшие стаканчик, замерли, и мгновенно остановилось постоянно преломляющееся текущее сияние.

Чжоу Цзиньшэн, словно наконец осознав, что рядом всё ещё стоит человек, приподнял тонкие

веки, спокойно сказал: «Спасибо».

— Не за что. — Шэнь Юй улыбнулся, покачал головой, снова сел на своё место, стал рыться в своём рюкзаке, набрал пригоршню разноцветных конфет.

Шэнь Юй повернулся, сжал руку в кулак и протянул её перед Чжоу Цзиньшэном.

Чжоу Цзиньшэн опустил взгляд.

В следующее мгновение Шэнь Юй разжал ладонь, обнажив лежащие на ней конфеты. Разноцветные фантики в преломлённом свете сновали туда-сюда, после многократного самоналожения свет стал коралловым морем.

Фантики красивые, рука ещё красивее.

Костяшки пальцев у Шэнь Юя длинные, кожа белая и чистая, подушечки пальцев нежно-розовые, словно нежные бутоны на весенних ветках.

Чжоу Цзиньшэн отвел взгляд.

— Извинительный подарок за то, что разбудил.

Казалось, стыдясь так поздно вручить извинительный подарок, Шэнь Юй тихо добавил: «Витаминные конфеты, могут облегчить боль в желудке».

Хотя планы не успевают за изменениями, но конфеты, стащенные у завуча, наконец-то нашли применение, реализовали круговорот, раскрыли максимальную ценность конфетной жизни.

Шэнь Юй был доволен.

Услышав это, Чжоу Цзиньшэн не сразу взял конфеты. Как будто в знак протеста только что утихший желудок вдруг снова пронзила судорожная боль. И правда, как сказал Шэнь Юй, у Чжоу Цзиньшэна был нарушен режим питания, привычки вовремя завтракать действительно не было.

Чжоу Цзиньшэн снова перевёл взгляд на ладонь Шэнь Юя, о чём-то размышляя, глаза глубокие-глубокие, не видящие дна.

Чем дольше длилось молчание, тем тише становилось пространство.

Шэнь Юй наконец уловил неладное.

Ну что, неужели эти конфеты были конфискованы именно у Чжоу Цзиньшэна?

Не может быть?

Он что, подлизался не к той ноге?

Пока Шэнь Юй в панике лихорадочно обдумывал спасательную стратегию, Чжоу Цзиньшэн наконец снизошёл, положил стаканчик и взял одну конфету наугад.

Подушечки пальцев Чжоу Цзиньшэна потерли грубую обёртку, он спокойно спросил: «Как тебя зовут?»

Шэнь Юй внутренне вздохнул с облегчением, убрал руку, словно, не осознавая скрытого в бесцеремонном вопросе Чжоу Цзиньшэна зондирования и высокомерия, просто прямо ответил: «Шэнь Юй, Юй — как «встреча»».

Чжоу Цзиньшэн, приняв конфеты, хотя бы одну, означало, что страницу можно перевернуть, о прошлом не вспоминать.

Шэнь Юй снова улыбнулся Чжоу Цзиньшэну, спросил: «А тебя, одноклассник?»

Чжоу Цзиньшэн опустил густые длинные ресницы, костлявые пальцы неторопливо разворачивали разноцветную обёртку.

Шэнь?

Семья Шэнь?

Кажется, есть какие-то впечатления.

Чжоу Цзиньшэн нахмурился.

В памяти семья Шэнь поднялась, открыв ресторан, занимались посредничеством в сделках, накопив богатство, встали на верную сторону, поэтому, поймав волну, вовремя поднялись, открыв внешнеторговую компанию, можно сказать, были из первых нуворишей.

В Шанцзине самые дорогие новости, но и самые дешёвые — тоже новости.

Сейчас как раз время смены кадров, повсюду подспудные течения, те мелкие веточки и листочки, что держатся за большие деревья, корни неустойчивы, при малейшей волне гибнут. В одно мгновение все оказались в опасности, искали другие методы.

Значит, нашли его, это большое дерево?

Чжоу Цзиньшэн внутренне похолодел, вдруг почувствовал пресность.

Зря такие красивые глаза.

Конфета во рту хрустела, раздавался треск, от которого зубы сводило.

Чжоу Цзиньшэн закинул ногу на ногу, упёрся локтем в парту, выказав долю бесшабашности и благородства.

Он с насмешкой смотрел на Шэнь Юя, усмехнулся, и снова язвительно, и высокомерно, и свысока.

После смеха, видимо, показалось недостаточно, Чжоу Цзиньшэн насмешливо сказал:

— Как меня зовут, ты разве не знаешь? Только что ты ведь назвал мою фамилию?

<http://bllate.org/book/15910/1427393>